

# РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930

*Семененко А.А.*

*Воронежский государственный университет*

## ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИГВЕДЫ ХРИСАНФОМ (В.Н. РЕТИВЦЕВЫМ)

*A. Semenenko*

*Voronezh State University*

### THE INTERPRETATION OF RIGVEDA BY CHRISANF (V.N. RETIVTZEV)

*Аннотация.* В статье анализируется истолкование истории древнеиндийской религии ригведийской эпохи дореволюционным отечественным религиоведом и богословом Хрисанфом (В.Н. Ретивцевым). Учёный считал, что для авторов Ригведы был характерен объективный натурализм, т. е. обожествление природных явлений; они так и не смогли перейти к субъективному натурализму, т. е. к деификации психических явлений. В соответствии с библейским историософским преданием Хрисанф прослеживает в ригведийской религии переход от монотеизма к политеизму. Богослов являлся сторонником теории арийского вторжения в Индию и расово-профессиональной интерпретации варнового деления общества.

*Ключевые слова:* дореволюционная российская ведология, Ригведа, христианская интерпретация, субъективный натурализм, объективный натурализм.

*Abstract.* The paper analyzes the conception of the history of ancient Indian religion of Rigvedic epoch by pre-revolutionary Russian theologian Chrisanf (V.N. Retivtzev). The scholar thought that the authors of Rigveda were objective naturalists, i.e. they worshiped divinized physical phenomena, and not subjective naturalists, i.e. they did not deify psychic phenomena. In accordance with Biblical historiosophic tradition Chrisanf traced the passing from monotheism to polytheism in the Rigvedic religion. The theologian was an advocate of Aryan Invasion Theory and racial and professional understanding of Varna social division.

*Key words:* pre-revolutionary Russian vedology, Rigveda, Christian interpretation, subjective naturalism, objective naturalism.

В 1873 г. вышел первый том написанного ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии Хрисанфом (в миру В.Н. Ретивцевым) (1832–1883) сочинения по истории языческих религий Древнего Востока, в который входил и разбор ригведийского вероучения (за это многотомное сочинение он вскоре получил степень доктора богословских наук). Архимандрит совершенно не скрывал своей конфессиональной пристрастности. Особенную радость у богослова вызывал тот факт, что современные ему ведологи зарубежной Европы (Хрисанф несколько раз ссылается на имя Макса Мюллера) в своих выводах приближаются к библейско-христианским представлениям об оценке характера и роли язычества [1, 2-3 и 6].

Приступая к изложению своего видения древневосточных религий, Хрисанф подчёркивает, что «язычество в целом есть религия натурализма в широком значении этого слова» [1, 12]. Богослов уточняет, что из-за неразличения и смешения внутреннего и внешнего наряду с одушевлением процессов и явлений физической природы древний человек точно так же отделял от себя, объективизировал и обожествлял элементы своего внутреннего мира — «его собственные представления, его внутренние, психические состояния, — его скорбь и радость, его восторги и неудовольствия... кажутся ему не его самостоятельностью, а внешними посторонними силами, — богами радости и плача, скорби и любви» [1, 13]. По Хрисанфу, язычники обожествляли весь спектр феноменов «конечного бытия — ... от явлений, принадлежащих к области минералогии, до явлений психических». Поэтому исследователь подразделяет весь натурализм древневосточных религий на объективный (поклонение природным силам) и субъективный (деификация психических состояний внутреннего мира). Богослов указывает, что первая разновидность была намного более развита по сравнению со второй и намного чаще встречается [1, 15]. Объективный натурализм, по мнению Хрисанфа, мог принимать формы фетишизма (почитание отдельных природных объектов и (искусственно созданных) вещей, поклонения силам природы (их демонам и духам) и душе природы в целом [1, 15-24]. Субъективный натурализм характеризуется антропоморфизмом, т. е. деификацией «психических внутренних свойств и проявлений... божеством становится сущность человека, его собственное сознание, его разум». По мнению Хрисанфа, Божества как Такового, над миром, вне макрокосма природы и микрокосма человека язычество не знало [1, 25, 27].

Таким образом, Хрисанф закладывает в основу своего исследования религиозной жизни Древнего Востока очень широкие методологические основания, по сути дела, органично совмещающие натуралистическую и психологическую парадигмы интерпре-

тации религии и мифологии. В этом смысле Хрисанф (а не Д.Н. Овсяннико-Куликовский [2; 3]) мог бы быть назван родоначальником натуралистическо-психологической парадигмы дореволюционной отечественной ведологии, если бы не одно очень существенное обстоятельство — он не использовал сформулированные им же методологические принципы при изучении ригведийских гимнов, в его понимании религиозного процесса в Древней Индии они оказались неприменимыми.

Как христианский богослов Хрисанф настаивает на существовании первобытного монотеизма, затем забытого и искажённого языческим политеизмом, вначале очень простым и похожим на единобожие [1, 49-51, 60; 7, 528-529, 559]. Также богослов указывает на «в высшей степени замечательное» сообщение Ригведы, содержащее, по его словам, воспоминание о существовании единого верховного небесного Божества до творения мира и богов (X.129.6-7) [1, 52]. Однако это и другие аналогичные упоминания из разных культур, трактуемые Хрисанфом как остатки изначального монотеизма [1, 51-60], можно понять и как доказательства существования единобожия у многих народов древности в различных регионах мира.

В соответствии с библейским преданием о падении человека Хрисанф говорит о том, что язычество стало продуктом деградации истинной монотеистической религии, «отпадения человеческого духа от божества в мир природы» [1, 71].

Переходя к истории ведической Индии, Хрисанф указывает, что прародиной всех индоевропейцев были верховья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, откуда индоарии переселились в Семиречье, образуемое долинами Инда Пятиречье (Панджаб) и Сарасвати-Гхаггара. Они вели кочевой образ жизни, делились на племена и управлялись патриархами-родоначальниками (царями), затем у них возникли государство и касты (варны). Сначала общество разделилось на расово-этнические разряды белокожих ариев и порабощённых ими темнокожих аборигенов (шудр), позднее

в высшем разряде выделились профессиональные группы воинов и царей (кшатриев), земледельцев и скотоводов (вайшьев), жрецов (брахманов) [1, 168, 170 и 274-276].

Ригведическую религию богослов характеризует как натуралистический политеизм, поклонение силам неба (Дьяуса) и атмосферы (Девам) – Агни (огню, свету и теплу неба и земли), Адити (животворящей силе природы) и Адитьям (различным олицетворениям Солнца, созданным разными племенами ариев – Сурье, Савитару, Бхаге, Пушану, Митре, Арьяману), Апсарам (лучам зари), Ашвинам (первым утренним и последним вечерним лучам), Варуне (небесному пространству, небосводу, взятому отдельно от световых явлений и Солнца, ночному небу и солнцу), Гандхарвам (солнечному свету в облаках или бьющим из облаков молниям), Индре (небесному свету, небосводу, светлостному дню, громовержцу, дневному солнцу), Марутам и Рудрам (ветрам, богам надземного пространства и лесов), Соме (Луне, её свету и собираемому в лунную ночь растению с наркотическим соком) и Ушас (утренней заре) [1, 183-197, 200, 303]. Остатками древнего фетишизма Хрисанф называет ригведийские культы моря, рек, гор и долин [1, 197]. Благодетельным божествам противостоят тёмные облачные (Асуры) и ночные (Ракшасы) демоны [1, 198]. Особняком стоят культы мёртвых (Питри) и (бога) смерти (Ямы) [1, 198-199 и 340-341]. Отдельно обожествляются молитва (Брихаспати) и вся жертвенная утварь [1, 202, 206].

Свидетельствами начавшейся трансформации ригведийского политеизма в пантеизм Хрисанф считает отождествления богов друг с другом, а также выделение верховных божеств – Индры, Агни и Варуны [1, 184-185, 203]. В нехристианской герменевтике РВ эти данные трактуются как свидетельства монотеизма или перехода от политеизма к монотеизму [6].

Итак, максимум, чего авторы РВ смогли, по мнению богослова и в его схеме, достичь – это высшая ступень объективного натурализма; они так и не смогли перейти к субъек-

тивному натурализму, т. е. к обожествлению психических явлений. Этот ошибочный и опровергаемый данными памятника вывод Хрисанфа, несомненно, был произведён из-за довлывших над его сознанием натуралистических и христианских парадигмальных представлений и отсутствия собственного филологического опыта работы с ригведийскими гимнами.

Уже в начале 1880-х гг. в результате непосредственного изучения текста РВ первым из европейских ведологов Нового времени Д.Н. Овсяннико-Куликовский пришёл к выводу о том, что авторы памятника находились на той стадии развития религиозного сознания, когда «человек обоготворял свои собственные душевные и телесные состояния, когда, напр., болезнь, гнев, радость и пр. он понимал как особого рода существа, в него вселившиеся. Так же точно смотрел он и на различные экстатические состояния» [5, 220-221]. Д.Н. Овсяннико-Куликовский выступил против односторонне-натуралистического истолкования ригведийской религиозно-мифологической системы: «Древние далеко не были до такой степени астрономы и метеорологи, как это думает современная сравнительно-мифологическая школа. Конечно, явления небесные и метеорологические обращали на себя их внимание и вызывали в них усиленную мифо-слагательную деятельность. Но за всем этим они не оставались глухи и слепы ко всему... психологическому... Таинственный мир душевных движений привлекал к себе внимание и пытливость древних не меньше» [3, 28-29]. В другом месте Д.Н. Овсяннико-Куликовский добавлял, что ««молитвы» понимались как нечто объективное, независимое от молящегося человека; это отнюдь не просто функция души человеческой, это – как бы самостоятельные и к тому же одарённые сверхъестественной силою существа... эти «богини речи»... «молитвы» и гимны были объективированы и обоготворены» [4, 673, 685]. Эти выводы Д.Н. Овсяннико-Куликовского основывались на тщательном изучении текста РВ. Так, например, только после подробного разбора 40 обнаруженных им в

источнике эпитетов, доказывающих экстазическую природу образа Сомы, он пришёл к выводу о том, что «Сома – это прежде всего и по преимуществу божество экстаза» [3, 26-28].

Разрабатывая методологию натуралистическо-психологической интерпретации ригведийских гимнов, Д.Н. Овсяннико-Куликовский по сути в других терминах формулировал теорию объективного и субъективного натурализма древневосточных религий, предложенную за десять лет до него Хрисанфом, но так и не использованную богословом в силу его парадигмальной и конфессиональной предвзятости при работе с данными Ригведы.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Архимандрит Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. Историческое исследование. Т. 1 (Религии Востока). СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1873. 639 с.
2. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Разбор ведийского мифа о соколе, принёсшем цветок Сомы, в связи с концепцией речи и экстаза (извлечение из исследования “Культ Сомы в Риг-Веде”. Pro venia legendi) М.: Тип. А. Иванова (б. Миллера), 1882. 69 с.
3. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития обществности. Одесса: Тип. И.А. Зелёного, 1883. 240 с.
4. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Религия индусов в эпоху Вед // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 662-694.
5. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Религия индусов в эпоху Вед // Вестник Европы. 1892. № 5. С. 217-242.
6. Семенов А.А. Ригведийская религия – политеизм или монотеизм? / А.А. Семенов // Белгородский диалог–2011. Проблемы российской и всеобщей истории, г. Белгород, 15–16 апреля 2011 г.: сб. избранных науч. тр. междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов / [редкол.: С.Н. Прокопенко (отв. ред.) и др.]. Белгород: ГИК, 2011. С. 13-15.
7. Mueller M. A history of ancient Sanskrit literature / M. Mueller. L.: Williams and Norgate, 1859. 607 p.